

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ ДЕМОКРАТИИ:
ГОББС & ЛУКАШЕНКО
vs АМЕРИКАНСКИЙ ПРАГМАТИЗМ

Андрей Тетёркин¹

Abstract

In the opinions of many intellectuals nowadays democracy as an ideology has become a single source of the political legitimacy. Even the leaders of contemporary authoritarian governments (e. g. Belarusian president A. Lukashenko) are forced to demonstrate their political regimes as genuine democracies. No doubts, the comprehension of democracy can vary greatly. Accordingly, this article deals with the descriptions of the advantages of democratic society and also addresses the understanding of democracy in the Belarusian context. Analyzing Lukashenko's statements I infer that his view on democratic state resembles T. Hobbes's political ideas: the main advantages of civil condition are the maintenance of social order and the strong possibilities for the survival and the satisfaction of basic needs. This standpoint of the major goals of the state is contrasted to the ideas of American pragmatism (J. Dewey, G.H. Mead), according to which the main task of political regime is to provide the conditions for the fullest development of human self.

Keywords: democracy, authoritarian state, self, satisfaction of desires, social order, liberty, respect, equality, solidarity, creativity.

Согласно экспертным оценкам, в идеологическом плане западная демократия одержала победу над другими формами правления. Сегодня, после краха праворадикальных режимов и советского коммунизма, для либеральной демократии отсутствуют конкурирующие представления об идеальной форме социально-политической жизни.² Более того, как отмечает Р. Даль,

¹ Андрей Тетёркин – магистр философии, лектор академического департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² См.: Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004. С. 83; Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Polity Press and Stanford University Press, 1995. P. 3; Taylor C. *Wieviel Gemeinschaft braucht die Demokratie?* // Taylor C. *Wieviel Gemeinschaft braucht die Demokratie? Aufsätze zur politischen Philosophie*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2002. S. 11.

«привлекательность демократических идей столь велика, что ... депотические режимы часто маскируются с помощью “демократии” и “выборов”»³.

То есть даже в странах с авторитарной формой правления всё же имеется ряд демократических институтов и практик (например, проведение регулярных всеобщих выборов); а их правители, сосредоточив большую часть властных полномочий в своих руках, нередко говорят о том, что на самом деле именно их государства более демократичны, чем западные политические сообщества. Здесь можно привести слова первого и единственного президента Республики Беларусь:

«Демократии у нас не меньше, чем у Запада. Про Россию я не говорю. У нас одинаковая демократия. Что у вас, что у нас. Не такая, как у того же Запада. Если надо “квасить” демонстрацию, там никто ни у кого не спрашивает: водомёты, слезоточивый газ. Я даже не всегда в России это вижу. Даже скажу честно, редко это вижу. Единичные факты. У нас в Беларуси этого не было никогда: ни слезоточивого газа, ни водомётов. Тьфу-тьфу, дай Бог, чтобы и никогда не было. Поэтому свобода выражаться, высказываться есть. Только провоцировать власть нельзя».⁴

Правда, после выступления А. Лукашенко 21 апреля 2011, в котором он подверг резкой критике ситуацию «излишней демократии», появились суждения об открытом признании авторитаризма как социального идеала:

«Высказывания Лукашенко на прошлой неделе резко контрастируют с обычной риторикой диктаторских режимов, которые обычно “из кожи вон лезут, чтобы изобразить себя образцом демократии”...»⁵.

Однако стоит отметить, что осуждению подвергся лишь режим «супердемократии» (действовавший в период президентских выборов 2010 г.)⁶, но сама идея демократии как таковая не отвергалась. Конечно, подобное согласие на словах с демократическими идеалами является формой лицемерия, к которому вынуждены прибегать недемократические лидеры, но сам этот факт свидетель-

³ Даль Р. *О демократии*. М.: Аспект пресс, 2000. С. 52.

⁴ *Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.president.gov.by/press99106.html>.

⁵ Добсон У.Д. *Подлинное отношение Лукашенко к демократии не стало сюрпризом* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.inopressa.ru/article/28apr2011/wp/belsrus1.html>.

⁶ А. Лукашенко: «А в период супердемократии, вот в этот президентский период, я категорически запретил какие-то барьеры и препятствия возводить. Где хотите – собирайте подписи. Что хотите – пишите и говорите. ... Говорите: не закрываем, не запрещаем. После выборов поговорим с вами»; см.: *Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ*.

ствуует о том, что на сегодняшний день **демократия стала единственной формой политической легитимации**. Все законы, политические нормы, идеологии и практики являются оправданными лишь тогда, когда хотя бы получают ярлык «демократические».

На фоне этого единодушия логичным является вопрос о том, почему демократия обладает столь внушительным символическим капиталом. Соответственно, **рассмотрение вопроса о том, какие преимущества обещает нам демократическая форма власти, и является основной темой данного текста**. Решение данной задачи осуществляется следующим образом.

1. Рассмотрение вопроса о преимуществах демократии будет осуществляться целостным образом, т. е. рассмотрению подлежит не только аспект политической эффективности данной формы политической жизни, но, прежде всего, её влияние на жизнь индивидуального субъекта, на возможности позитивной самореализации. Поэтому анализ плюсов демократической формы правления предваряется философско-антропологическими экскурсами по поводу природы человека.

2. В данной статье представлены две различные точки зрения: согласно первой демократия не обладает никакими преимуществами и ничем не лучше других форм правления; в таком случае (вербальное) следование демократическим идеалам в нынешней ситуации является лишь вынужденным шагом. Согласно же второй точке зрения демократия является воплощением идеала подлинной социально-политической жизни. Для выражения этой позиции используются, прежде всего, идеи представителей американского прагматизма (Дж.Г. Мида и Дж. Дьюи) как наиболее полно осуществивших апологию демократии. Артикуляция же первой позиции происходит путём обращения к концепции Т. Гоббса, выбор которой также обусловлен предположением, что идеи этого автора помогут выявить логику рассуждений авторитарных деятелей (что будет сделано на примере А. Лукашенко).⁷

---

⁷ В данном тексте также делается попытка продолжить проект В. Фурса по анализу официальных идей о белорусской модели народовластия «в свете современных представлений о демократии»; см. Фурс В. «Власть народа»: современные представления о демократии и белорусская модель «народовластия» // *Топос*. 2006. № 2(13). С. 15–24. Помимо использования других подходов (прежде всего, акцент на философско-антропологический и этический ракурсы, в статье также указывается на то, что рассуждения о природе демократии со стороны белорусской официальной власти вполне могли бы быть адекватными и современными (а не «перверсивными»), если бы в своё время на Западе либерально-демократические учения не вытеснили антропологические и политические представления наподобие гоббсианских.

«Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве»⁸

Рассмотрим на примере *Левиафана* Гоббса точку зрения, из которой не видны особые преимущества демократической формы власти.

Итак, в чём же заключается человеческая природа и каким образом это определение сказывается на понимании специфики демократического способа правления? Гоббс традиционно понимает человека *как рациональное животное*. При этом решающую роль играют именно влечения и желания человека, по отношению к которым мысли выступают лишь «разведчиками и лазутчиками, ищущими путей к желаемым вещам»⁹. Что касается содержания человеческих желаний, то это может быть жажда власти, богатства, почестей и знания. Однако **все виды желания могут быть сведены к одному – к желанию власти или могущества (*power*)**.¹⁰ Само же **могущество (власть)**, в достижении которого и заключается смысл человеческой жизни, – это **совокупность наличных средств, позволяющих человеку обрести то или иное благо**. В качестве примеров могущества Гоббс приводит наличие необычайной физической силы, красоты, благоразумия, ловкости, красноречия, богатства, хорошей репутации и популярности, многочисленных слуг и друзей. Всё это – только средства, использование которых позволяет человеку достигать объектов своих страстей.¹¹

Следующим важным положением теории Гоббса является указание на то, что *реализация человеческих желаний не основывается на заранее определённой программе действий*. Это, *во-первых*, означает отсутствие определённых предметов желания, достигнув которых человек окончательно удовлетворит свои страсти и влечения. Для человека нет высшего блага, и вся жизнь представляет собой бесконечное движение от одного объекта желания к другому, пока этот процесс не остановится смертью. *Во-вторых*, речь идёт об отсутствии определённой системы естественного распределения благ между людьми. Несмотря на различия в интеллектуальных и физических возможностях, каждый субъект считает себя вправе претендовать на все те предметы, которые становятся объектами его влечений. Всё это является причиной того, что по природе человек склонен к *постоянной конкуренции со своими ближними*, которая часто принимает агрессивные и насильственные формы. При этом конкуренция и жажда наживы не являются единственными причинами насильственного поведения. Даже если человек

⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. *Сочинения в 2-х тт.* Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 167.

⁹ Гоббс, указ. соч., с. 56.

¹⁰ Там же, с. 55, 63, 74.

¹¹ Например, «красота есть могущество, ибо, являясь обещанием блага, она привлекает к мужчинам любовь женщин и малознакомых людей» (Гоббс, указ. соч., с. 66).

не стремится к расширению своих богатств и владений, то другими причинами агрессивного отношения могут стать недоверие по отношению к намерениям других людей и жажда славы. Все эти причины приводят к тому, что в естественном (догосударственном) состоянии царит беспощадная борьба между людьми, «состояние войны всех против всех»¹².

Возможно, такая точка зрения на природу человека покажется излишне мрачной и несправедливой, но у Гоббса на этот счёт есть следующий железный аргумент: если кто-то отрицает принцип «человек человеку волк», то почему тогда, несмотря на наличие органов правопорядка, он или она постоянно предпринимают дополнительные меры по обеспечению собственной безопасности?¹³ В то же время демонстрация злой природы человека не является последним словом английского мыслителя. К счастью, под влиянием страха смерти и рациональной способности люди повсеместно стремятся избегать негативных аспектов дополитической жизни и пытаются организовать мирную жизнь в рамках государственных образований.

Создание государства происходит тогда, когда определённому кругу лиц передаются властные полномочия для управления обществом и достижения общественной безопасности и мира. Субъект с верховной властью становится сувереном, а все остальные – его подданными.¹⁴ При этом если сувереном является одно лицо, то данное государство именуется *монархией*; если несколько – *аристократией*, а если большая часть населения обладает верховной властью, то мы имеем случай *демократии*.¹⁵ Соответственно, мы можем обратиться к главному вопросу о том, обладает ли в этом случае демократия определёнными преимуществами. Как уже отмечалось выше, Гоббс на этот вопрос отвечает отрицательным образом. Дело в том, что для обеспечения стабильного существования государства необходимы следующие меры.

1. Суверенная власть должна стать независимой от своих подданных. То есть последние подчиняются всем постановлениям своего суверена и не могут критиковать и протестовать против его решений, а также подвергать его наказаниям или сменять уже установленную форму правления.¹⁶ Эти правила относятся и к возможным случаям правовых нарушений со стороны суверена: *законы существуют только для подданных, а не для верховных правителей.*

¹² Гоббс, указ. соч., с. 93–96.

¹³ «Какое же мнение имеет он о своих согорожанах, запирая свои двери, о своих детях и слугах, запирая свои ящики? Разве он не в такой же мере обвиняет человеческой род своими действиями, как и моими словами?» (Гоббс, указ. соч., с. 96).

¹⁴ Гоббс, указ. соч., с. 133.

¹⁵ Там же, с. 144.

¹⁶ Гоббс, указ. соч., с. 134–137.

«...мнение, противоречащее природе государства, сводится к тому, что тот, кто имеет верховную власть, подчинён гражданским законам. ... Вышеуказанное ошибочное мнение, ставя законы над сувереном, тем самым ставит над ним и судью, а также власть, которая может его наказывать, но это значит делать нового суверена, и на том же основании – третьего, чтобы наказывать второго, и так дальше до бесконечности, что должно вести к разрушению и разложению государства».¹⁷

Конечно, это неизбежно приводит к тому, что в государстве *всегда будет существовать коррумпированное правительство*, постоянно нарушающее законы и права собственности обычных людей. Однако следует иметь в виду, что виновниками этого неблагоприятного состояния являются сами граждане:

«...упорная скаредность самих подданных, неохотно идущих на материальные жертвы для своей собственной защиты, ставит их правителей перед необходимостью извлечь из них всё, что можно, в мирное время, с тем чтобы иметь средства в случае крайней или внезапной необходимости для организации сопротивления или победы над своими врагами»¹⁸.

2. В руках суверена должна быть сосредоточена вся полнота власти: законодательная, исполнительная и судебная. Те, кто обладает верховной властью, также решают вопрос о том, какое поведение является достойным или недостойным, а заодно исполняют роль цензоров публичных мнений, мировоззрений и идеологий на предмет того, способствуют ли они поддержанию общественного порядка или нет.¹⁹

Указанные меры должны быть в точности выполнены в любом политическом сообществе, иначе возникает риск вновь вернуться к естественному состоянию непрерывной борьбы и насилия. В этой ситуации получается, что *демократия отличается от других форм правления только в количественном отношении*: по количеству лиц, которым принадлежит верховная власть. Что касается других аспектов, то в демократических государствах власть осуществляется аналогичным, т. е. авторитарным, образом, а граждане также строго подчиняются собственным законам и императивам соблюдения общественного порядка. Поэтому степень свободы и подчинённости гражданских лиц одинакова при всех политических режимах.

¹⁷ Гоббс, указ. соч., с. 253.

¹⁸ Там же, с. 143.

¹⁹ Правда, может возникнуть такая любопытная ситуация, при которой «в государстве, где вследствие небрежности или неловкости правителей или учителей с течением времени стали общепринятыми ложные учения, противоположные истины могут оказаться вредными», а значит, они должны быть запрещены (Гоббс, указ. соч., с. 138).

Ведь что такое свобода? Ключевая характеристика свободы – это «*absence of opposition*»²⁰, что обычно переводится как «отсутствие сопротивления», а не, например, «отсутствие оппозиции». **Свобода как «*absence of opposition*» – это свобода от внешних преград, которые мешают нам достичь желаемых целей;** и такой свободой обладает в обществе лишь суверен. Ведь его власть в государстве должна быть абсолютной, в том числе и никому, кроме Бога, не подотчётной. Единственным ограничением для верховной власти является необходимость обеспечить подданным возможность физического выживания, которого люди лишены в естественном состоянии.²¹ В других случаях (когда не ставится вопрос жизни и смерти) граждане должны смириться с «несправедливыми» или «незаконными» действиями суверена. В противном случае они будут возвращены в естественное состояние и с ними будут разбираться по принципам войны всех против всех. В таком случае свободу подданных следует понимать в следующем смысле: в отличие от свободы верховного правителя *свобода подданных истекает «из умолчания закона»* (т. е. представляет собой свободу выполнять те действия, которые не запрещены законом) и может принимать следующие формы:

«...свобода покупать и продавать и иным образом заключать договоры друг с другом, выбирать своё местопребывание, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т. д.»²².

Поэтому благополучие государства зависит не от особенностей той или иной формы правления, а исключительно от послушания подданных. Отсюда главная задача для общества заключается в том, чтобы сохранить исконные политические традиции и не допустить чужеродного влияния.

«Это стремление к изменению существующей в государстве формы правления есть как бы нарушение первой заповеди Бога, которая гласит: *non habebis Deos alienos* – да не будет у тебя Богов других народов; а в другом месте Бог говорит о царях, что они Боги».²³

Подводя итог рассмотрению концепции Гоббса, можно отметить, что, несмотря на солидный возраст, она не потеряла своей актуальности в современной действительности и может быть использована для оправдания авторитарных форм государственной власти. В качестве доказательства приведём ряд высказываний А. Лукашенко, логика которых весьма близка антропологическим и политическим представлениям Гоббса.

²⁰ Hobbes T. Leviathan. Ch. XXI: Of the liberty of subjects // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://oregonstate.edu/instruct/phl302/texts/hobbes/leviathan-contents.html>.

²¹ Гоббс, указ. соч., с. 168–173.

²² Там же, с. 165.

²³ Там же, с. 264.

А. Прежде всего, задействуется описание грандиозных бедствий и массового беспредела, в которые ввергается общество в отсутствие сильной власти. При этом преодолеть это состояние хаоса само гражданское общество никак не способно; и только чудесное появление нового суверена спасает ситуацию.

«Как только рухнули привычные институты, их место мгновенно заполнили криминальные группировки. Они захватывали не только целые предприятия, но и регионы. Становились не тенью, а самой настоящей властью, заставляя общество жить по своим понятиям. В середине 1990-х годов нам пришлось власть воссоздавать буквально из пепла. И вовсе не из-за того, что так уж хотелось над кем-то повластвовать. Другого пути просто не было. Надежды на частную инициативу граждан, самоорганизацию общества и саморазвитие экономики тогда не было. Нищие люди, закрытые или стоящие на грани банкротства предприятия, сбитое с толку общество, растерянная интеллигенция, изгнанные из лабораторий на вещевые рынки научные работники – разве можно было требовать от кого-то из них стать локомотивом, который бы вывел общество из кризиса?»²⁴

Б. Пережив свой вариант войны *всех против всех* в лихие 1990-е, белорусское общество должно ставить перед собой первостепенную задачу обеспечения порядка и стабильности (главное, чтобы не было войны всех против всех) на основе сильной государственной власти.

«Поэтому для Беларуси не подходит трактовка роли государства как “ночного сторожа” и пассивного наблюдателя, живущего лишь за счёт налогов. Мы сделали ставку на сильное государство, которое взяло на себя ответственность за очень многие сферы, и пока ни разу об этом не пожалели»²⁵.

Как показывает опыт, любое послабление в этой сфере приводит к негативным последствиям, поскольку в таком случае открывается клапан для выхода агрессивных влечений индивида. Это и произошло в период «супердемократии»: «массовые беспорядки» и «штурм» здания правительства 19 декабря, теракт 11 апреля – вот к чему приходит гражданское сообщество, оставленное без административной опеки государства. «Мы сами создали ту атмосферу в обществе, плоды которой сегодня пожинаем», – считает Александр Лукашенко. По мнению президента, именно «излишняя демократия» привела к трагическим событиям. Как полагает Лука-

²⁴ Двадцать четвертого сентября Александр Лукашенко выступил перед студентами и преподавателями Академии управления // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.president.gov.by/press98255.html>.

²⁵ Там же.

шенко, некоторые люди, глядя на экраны телевизоров, решили, что «сегодня всё можно»²⁶.

В. Далее, указанная фундаментальная цель (достижение *Порядка и Стабильности*) является единственной задачей, которую может ставить перед собой любое политическое сообщество. При этом получается, что между существующими режимами есть различия только в политической риторике; в реальности же все без исключения проводят единую политику по обеспечению порядка и борются с любыми проявлениями беззакония. Поэтому между западными демократиями и другими странами нет особых качественных различий и отсюда бессмысленно стремиться к смене власти и пытаться улучшить своё государство в соответствии с западными или иными образцами.

«И мы видим, как сегодня ведущие государства, которые нас учат демократии, действуют в управлении обществом и не брезгают чрезвычайщиной. Вспомните французские события, когда в кольце оказался Париж – прекрасный город, глядя на который мы ахаем и охаем. Когда пылали и горели здания, сооружения и автомобили. Они на что пошли? Они пошли на введение чрезвычайного положения. И это – оплот демократии в мире. Они знали, что им нужно сохранить страну и надо сохранить свой народ. Как только доходит до нас – любое наше телодвижение по наведению порядка в нашей стране воспринимается с воем и гвалтом, которые отражаются в умах и сердцах наших доморощенных нацменов, оппозиционеров».²⁷

Г. В этой ситуации единственное обязательство государственной власти перед своими гражданами – это сохранение их жизни (реализация права на жизнь) и обеспечение удовлетворения основных инстинктов и базовых физиологических желаний. Поэтому не следует рассчитывать на что-то большее и возвышенное.

«Нам такая демократия с гвалтом не надо. Нам демократия надо, когда человек работает, получает хоть какую-то зарплату, чтобы и хлебушка купить, молочка, сметаны, творожку, иногда кусочек мяса, чтобы накормить ребёнка и так далее»²⁸.

«Демократия, если просто говорить – это то состояние общества, когда женщина, например, может чувствовать себя женщиной: выйти замуж, создать семью, гарантированно и спокойно родить детей, воспитывать их, иметь возможность дать им образование. Вот суть демократии. ... Права человека? Какие права человека? Они только говорят о митингах и демонстрациях. Всё. Мы с вами в школе учили и в

²⁶ А. Лукашенко: «Никакой безнаказанности мы не допустим, чтобы не плодить новые преступления» // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://news.tut.by/224286.html>.

²⁷ Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на III Всебелорусском народном собрании // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.president.gov.by/press24121.html>.

²⁸ А. Лукашэнка. 3 размовы з рабочымі Менскага аўтазаводу // *Навіны*. 1998. 28 траўня.

вузах нас учили, что такое права человека. Я вам перечислял. Право на жизнь – это главное право. Если оно присутствует, если государство не просто гарантирует, а свято это право соблюдает, то это великое благо. А в остальном живи так, чтобы ты не зацепил плечом другого человека»²⁹.

Также стоит подчеркнуть, что при обсуждении обязательств государства перед своими подданными важно обесценить идею демократии как особого позитивного состояния общества: нужно дать такую дефиницию демократии, что окажется, что у всех она есть всегда и везде и в то же время никогда и нигде.

«Я не молодой политик и президент, я увидел весь мир – нигде нет демократии в производстве. Там железная диктатура, где есть производство! ... А демократия – закончил работу, перешёл проходную, иди в магазин и думай, что здесь рядом люди. Поэтому твоя демократия на том квадратном метре, где ты стоишь. Зацепил плечом человека – демократия кончилась, там интересы другого человека. Домой пришёл – ты свободен. Нет жены, детей – полная демократия. Хоть на голове стой. Пришла жена домой – всё, твоя свобода ограничена. Дети пришли и начинают тормозить – тоже».³⁰

Д. Конечно, при сильной государственной власти, в рамках которой верховным правителям предоставлена свобода в форме *absence of opposition*, неизбежны проявления произвола со стороны суверена. Например, можно изменить дату рождения или не соблюдать правовые нормы и процедуры (как при регистрации своей кандидатуры на президентских выборах), можно «квасить» акции протеста 19 декабря или корректировать результаты голосования 2006 г. (хотя и в направлении понижения количества полученных на выборах голосов избирателей). Но самое главное состоит в том, чтобы эти действия не привели к массовому вымиранию населения; люди получают хоть какую-то зарплату, а женщины, со своей стороны, чувствуют себя женщинами (спокойно выходят замуж и гарантированно рожают детей) и т. д. – значит, никаких претензий к государству быть не может: свои обязательства перед подданными оно строго выполняет:

«Избрали Президента – у него есть полномочия, и он будет действовать согласно полномочиям своим: чтобы не было преступности, чтобы было безопасно, чтобы был кусок хлеба на столе, чтобы дать людям возможность заработать. Всё очень просто»³¹.

Е. Наконец, стоит признать, что в жестоком окружающем мире, обусловленном злой природой человека, невозможно полностью

²⁹ Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ.

³⁰ А. Лукашенко: «Домой пришёл, нет жены, детей – полная демократия. Пришла жена – всё, твоя свобода ограничена» // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://news.tut.by/politics/224299.html>.

³¹ Пресс-конференция Президента А.Г. Лукашенко российским СМИ.

избежать кризисных моментов и проявления насилия. Поэтому необходимо продемонстрировать, что данные события носят лишь эпизодический характер, иначе легитимность верховной власти может быть поставлена под вопрос.

«Но не может вот этот островок наш быть вот таким беленьким и пушистым всё время, когда вокруг что-то рвётся. Ну не может же так быть. Когда идёт корабль по морю, а вокруг взрываются эти мины, ну где гарантия, что этот корабль не зацепит? Вот так произошло и с нами. Зацепило корабль».³²

«В этом плане хочу сказать: мы были стабильными и спокойными и будем, чего бы нам это ни стоило. Нет у нас почвы для того, чтобы были эти террористические акты. И этот теракт показывает, что это не системно».³³

Демократия как идеал социальной жизни

Обратимся теперь к рассмотрению альтернативной точки зрения на возможности демократической формы власти. Необходимость этого шага диктуется следующими критическими замечаниями в адрес рассуждений, представленных в первой части.

1. Насколько представленное описание человека как эгоцентричного злого существа является универсально значимым? Так, например, Дж. Локк усматривал в субъекте наличие разума, который позволяет каждому осознать равенство всех людей и усвоить фундаментальный этический принцип: не наносить «ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого»³⁴. Тот способ действия, который представил Гоббс как воплощение человеческой природы, является лишь преступной манерой поведения. Отсюда возникает вопрос, насколько оправдано делать подобные выводы о человеческой сути и принуждать всех жить в авторитарном государстве на основе действий определённого круга лиц и определённых социальных обстоятельств?³⁵

³² А. Лукашенко: «Зацепило корабль», но «нас Бог пожалел» // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://news.tut.by/tragedy/223716.html>.

³³ А. Лукашенко – оппозиции: *Хотите лоб в лоб со мной сразиться, выходите на футбольную, на хоккейную площадку* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://news.tut.by/politics/223694.html>.

³⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. *Сочинения: В 3-х тт.* М.: Мысль, 1988. С. 265.

³⁵ Часто указывают на следующие социальные трансформации, которые оказали воздействие на возникновение идей Гоббса. В Новое время под влиянием различных факторов (возникновение новых способов производства и торговли, разрушение сословного порядка, конфессиональный раскол и повсеместная секуляризация общественной жизни, массовые миграции и ускорение процессов урбанизации) большая часть населения была вырвана из небольших замкнутых сельских и городских общин и превратилась в подвижную и разобщённую массу чужаков, зачастую лишённую общих нравственных обычаев и объединённую лишь экономической взаимозависимостью и политическим

2. Далее, насколько предложенный вариант решения проблемы насилия в обществе путём предоставления абсолютной власти суверену является приемлемым? Опять же можно привести возражение Локка:

«Что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда один человек, повелевая множеством людей, волен быть судьёй в своём собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится, причём никто не имеет ни малейшего права ставить под сомнение правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть? ... А ведь в естественном состоянии, где люди не должны покоряться несправедливой воле другого, положение обстоит гораздо лучше...»³⁶.

3. Наконец, можно задаться вопросом, насколько представленное описание форм автономии и самореализации соответствует потенциалу человека? Достаточны ли для возможностей развития индивидуального субъекта те социальные условия, при которых он или она лишь выбирают пищу и место жительства, производят потомство и пользуются своей свободой на одном квадратном метре, которое занимает собственное тело (во всём остальном существует лишь диктатура: на работе благодаря «андроповщине», дома благодаря жене и детям; в публичном пространстве благодаря государственной власти, которую никак нельзя провоцировать)?

Итак, для выражения альтернативного подхода за основу мы возьмём *идеи американского прагматизма* (Дж.Г. Мид и Дж. Дьюи), которые по необходимости будут дополняться взглядами других авторов. В качестве же основания такого выбора можно привести слова немецкого социолога Х. Йоаса:

«Как бы я ни симпатизировал немецкой герменевтике, марксизму и христианским идеям, все они были скомпрометированы в моих глазах своим приспособленчеством по отношению к недемократическим политическим движениям и системам. В прагматизме же, каза-

---

принуждением. Реакцией на это положение стало новое понимание человеческой природы: если со времён античности человек определялся как политическое животное, для которого самореализация состоит в осуществлении общезначимых социальных целей, то теперь человек стал пониматься как эгоцентричное существо, находящееся в перманентных враждебных отношениях с другими индивидами. Одним из выразителей подобной точки зрения (наряду с Н. Макиавелли) и стал Т. Гоббс (см.: Honneth A. *Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte*. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992. S. 13–19). Возможно, процессы глобализации, которые дестабилизируют прежние формы социальной интеграции (ср. «одной из отличительных черт нового опыта нестабильности является обострение конфликтов легитимности: игроки, сталкиваясь в политическом противоборстве, ввиду взаимной чуждости не воспринимают друг друга как легитимных партнёров по взаимодействию и с лёгкостью переходят к насилию для разрешения конфликта»; см.: Фурс, указ. соч., с. 18), и создают сегодня почву для появления неогоббсианских представлений.

³⁶ Локк, указ. соч., с. 269.

лось, сам идеал демократии принял форму философской системы, т. е. имелись в виду не личные политические взгляды и позиции мыслителей, а выражение такой картины мира и человека, которая соответствовала самой сути демократии»³⁷.

Одной из главных идей данной парадигмы³⁸ является указание на фундаментальную зависимость самореализации индивида от позитивных реакций со стороны его окружения, признание которого образует необходимый базис для индивидуальной практики. Данный тезис можно проиллюстрировать знаменитым положением Мида о том, что *человек начинать воспринимать себя самого только путём принятия установок других индивидов по отношению к себе*.³⁹ Например, одной из первых форм идентичности является понимание себя как ребёнка определённого возраста и пола. Однако такой способ самосознания становится возможным лишь потому, что к данному субъекту именно таким способом относится его окружение (родители), усвоение установок которого и образует первую форму самосознания. В дальнейшем, в ходе своего развития, индивид вовлекается в другие формы взаимоотношений и сталкивается с новыми способами признания со стороны других людей, тем самым расширяя своё представление о себе и своём месте в обществе.

Таким образом, *человек изначально вовлечён во взаимодействие с другими членами общества, что требует постоянных процессов принятия установок других субъектов и координации своего поведения на основании коммуникативной практики*. При этом решающим моментом в развитии индивидуальной самости является возможность не только принимать точку зрения ближайших партнёров по коммуникации (на языке Мида, *принятие точки зрения «значимых других»*), но и ориентироваться на жизненные перспективы чуждых ему групп и регулировать своё поведение с незнакомыми людьми на основании социально обобщённых (институционализированных) способов действия. Поэтому, с точки зрения Мида, ориентация индивида исключительно на ближайшее окружение и неспособность следовать основным правовым и нравственным нормам и процедурам представляют собой социальный патологический факт. Это является выражением или *установки преступника*, который игнорирует права и

³⁷ Йоас Х. *Креативность действия*. СПб.: Алетея, 2005. С. 5.

³⁸ При рассмотрении идей американского прагматизма следует иметь в виду распространённые предрассудки, которые затрудняют адекватный анализ данного направления. Например, «в Европе, особенно ввиду антиамериканских настроений, эти нападки интерпретировались таким образом, как если бы прагматистская теория истины являлась саморазоблачением торгашеского духа, враждебного любой философии и науке. В этом ложном обвинении сошлись национально-консервативные и “левые” критики» (Йоас, указ. соч., с. 6)

³⁹ Mead G.H. *Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*; Section 18 // [Electronic resource] Mode of access: http://www.brocksu.ca/MeadProject/Mead/pubs2/mindself/Mead_1934_toc.html.

интересы членов других социальных групп; или *установки имбецилла*, который в силу психологических и когнитивных трудностей не способен выстраивать отношения с незнакомыми людьми на основании общих правил и ценностей. Соответственно, расширение горизонта социальной перспективы и *принятие точки зрения «обобщённого другого» (точки зрения институтов)* являются показателями формирования взрослой, полностью развитой самости.⁴⁰

До сих пор речь шла только о социально определённом компоненте личности, которую Мид обозначил термином «*the Me*» («социальное Я»). Однако этот компонент самости, репрезентирующий групповые ценности и играющий роль морального цензора, не исчерпывает всю полноту индивидуальной жизни. Поэтому Мид вводит понятие «*the I*» («индивидуальное Я») для обозначения возможности спонтанного поведения и реализации индивидуальных особенностей.⁴¹ Данный аспект личностного существования возникает в ответ на социальные императивы и проявляется в различных формах отклонения от установленных образцов социального поведения: это могут быть ошибочные действия, антисоциальное («преступное») поведение или, напротив, оригинальное творчество, которое обогатит социальную жизнь.

Наличие у каждого человека такой формы самости, как *I*, отражает тот факт, что, несмотря на все жёсткие попытки социального контроля, *индивида нельзя полностью превратить в исчислимое и подчинённое существо, которое будет в точности воспроизводить уже готовые шаблоны действий*. Поэтому главное – это стремиться не к подавлению этого аспекта путём авторитарных мер, а способствовать тому, чтобы импульсивное поведение субъекта принимало творческие, а не асоциальные формы. Это может быть достигнуто только тогда, когда индивид сохраняет баланс между своими компонентами самости (*Me* и *I*), т. е. когда при совершении креативных действий не теряется способность воспринимать точку зрения других людей и ориентироваться на общие интересы и ценности.

⁴⁰ Mead, op. cit., sections 20, 34. Этот аспект теории Мида следует особенно подчеркнуть, поскольку в континентальной интеллектуальной традиции большое влияние приобрели те концепции интересующей нас личности, которые настолько подчеркивают значимость непосредственных взаимоотношений, что все остальные социальные связи претерпели своего рода «демонизацию». Близкие персональные контакты в форме *Я–Ты* или лицом-к-лицу рассматриваются как единственные подлинные взаимоотношения между субъектами, разворачивающиеся на фоне преобладающих в современном мире деперсонализированных объективирующих отношений в форме *Я–Оно* или *das Man*. По этому поводу см. также: Honneth A. On the destructive power of the third: Gadamer and Heidegger's doctrine of intersubjectivity // *Philosophy & Social Criticism*. 2003. Vol. 29(1).

⁴¹ Mead, op. cit., sections 22, 27.

«Учится быть человеком значит вырабатывать в себе при помощи коммуникативной обратной связи самосознание индивидуально неповторимого члена сообщества»⁴².

Здесь необходимо иметь в виду, что *творческая самореализация индивида имеет исключительно социальный характер*. Человек становится творческой личностью только тогда, когда его инновации получают признание со стороны других членов общества: у каждого художника или писателя, как говорит Мид, должна быть своя аудитория. Поэтому индивиды, которые обнаруживают социальные ограничения своей креативности, стремятся обрести признание альтернативного видения мира не путём бегства из общества ради одинокого наслаждения своими произведениями, а путём установления такой формы общества, в которой нашлось бы место их творческим продуктам и действиям.

«Индивиды оказываются стеснены, угнетены тем обстоятельством, что их потенциальные возможности поглощаются какой-либо институционализированной и достигшей господствующего положения формой ассоциации. Возможно, им кажется, что они требуют свободы лишь для себя самих, на деле же они добиваются более полной свободы участия в других ассоциациях, благодаря чему будет раскрепощён индивидуальный потенциал каждого и обогащён личный опыт любого из индивидов. Жизнь была обеднена не вследствие господства над индивидом “общества” вообще, а из-за господства надо всеми реально существующими и всеми возможными формами ассоциации какой-то одной формы – семьи, клана, церкви, экономических институтов»⁴³.

Таким образом, если в теории Гоббса государство создаётся ради подавления изначальных агрессивных импульсов человеческой души, то в *концепции американского прагматизма* политический режим должен создать условия для развития тех черт человеческой природы, которые отличают её от животного состояния

⁴² См.: Дьюи Дж. *Общество и его проблемы*. М.: Идея-пресс, 2002. С. 113. Это положение американского прагматизма, которое имело большое значение для формирования современных коммуникативных теорий (например Ю. Хабермаса), также стоит подчеркнуть. «Американская классическая мысль ... избегает конфликта двух альтернатив – мыслить индивидов или только как исполнителей заранее предопределённых процессов мировой истории, или, наоборот, как единственную инстанцию, способную вершить историю. Великие персоналии трактуются здесь скорее как инноваторы, которые креативно выражают коллективно установленный смысл. Инновативный индивид в этой мыслительной традиции отклоняется от традиционных самоочевидностей в когнитивном и нормативном отношении, но при этом отстаивает своё новое видение мира с помощью аргументов. Коллектив может или отказаться от этих аргументов, или прислушаться к ним. Решающим здесь является то, что предполагается дискурсивное отношение между инноватором и коллективом» (Йоас, указ. соч., с. 58).

⁴³ Там же, с. 141.

в лучшую сторону: способность к формированию уважительных и солидарных отношений с широким кругом субъектов, к развитию в себе уникальной и творческой личности. Это и подчёркивает Дьюи в своём определении демократии:

«В индивидуальном плане демократия заключается в том, что каждый человек обладает своей мерой ответственности в деле формирования образа действий своей группы и управления её поведением, а также в том, чтобы по мере необходимости разделять защищаемые группой ценности».

«А в групповом аспекте демократия означает высвобождение потенций индивидуальных членов группы, осуществляемое в гармонии с общими интересами и на благо всей группы»⁴⁴.

Разберём подробно, каким образом это становится возможным.

Итак, как отмечалось выше, одной из главных особенностей человеческой деятельности является выхождение за пределы ближайшего круга знакомых и формирование солидарных и кооперативных отношений с незнакомыми людьми. Принимая установку «обобщённого другого», субъекты оказываются способными к созданию *«универсального общества»*, в котором индивиды взаимодействуют на основе общего языка и общих интересов и взаимно признают друг друга как полноценных социальных партнёров. Исторически формы универсальности в обществе создавались различными способами: торговля, мировые религии, философия и науки способствовали формированию отношений между широким кругом субъектов, которые изначально были разделены языковыми, этническими, политическими, пространственными и временными границами.⁴⁵ Реализация же *универсального сообщества* в сфере политики стала возможной в связи с возникновением демократической формы власти. Как отмечает Мид, до возникновения демократии между членами различных социальных групп господствовала или *установка абсолютной вражды*, в результате следования которой чужие индивиды должны физически уничтожаться, или *установка доминирования*, которая способствовала формированию иерархических отношений между субъектами. В последнем случае это приводило к формированию общества, основанного на кастовых или сословных различиях. Особенностью данной социальной формы явилось формирование отношений господства одной группы населения над другой путём эксплуатации и подчинения одних субъектов другим.

Возникновение демократии можно признать поворотным пунктом в истории человечества, который способствовал появлению совершенно *новой формы отношений между людьми, основанной на принципах свободы и равноправия*. Если в недемократических обществах различного рода занятия выстраивались по иерархической шкале (как правило, на самом верху оказывались

⁴⁴ Дьюи, указ. соч., с. 108.

⁴⁵ Mead, op. cit., section 36.

военные и религиозные профессии), то в демократических сообществах провозглашалось равенство возможностей в деле реализации общих ценностей и интересов. Если недемократические формы правления приводят к формированию замкнутых социальных групп (например, военной аристократии), которым нет дела до проблем и интересов других социальных объединений, то демократия способствует *формированию функциональной специализации, основанной на демократическом разделении труда*. Особенностью последней является справедливое признание самых разных способов деятельности и обеспечение солидарных отношений между индивидами (в том числе, и в форме взаимной помощи).

Поэтому в недемократических социумах большую роль в интеграции сообщества (помимо физического и экономического принуждения) играет личность верховного правителя: в условиях радикальной разобщённости ценностей и чуждости интересов единственный способ осознания общности – это персона суверена, чьими подданными являются все остальные члены социума. Соответственно, в демократическом обществе ведущую роль играют не личные особенности тех или иных правителей, а общественные ценности, ради осуществления которых и избираются политические лидеры.⁴⁶

Последнее обстоятельство позволяет говорить о преимуществах демократии не только с индивидуальной, но и с коллективной точки зрения. Этот момент необходимо подчеркнуть, поскольку при определении плюсов демократии чаще всего задействуется перспектива индивидуального субъекта. Например, Р. Даль приводит следующие преимущества демократической власти: защита от жестоких и аморальных диктаторов, обеспечение максимальных возможностей для развития личности и моральной ответственности, для личной свободы и самоопределения; предоставление механизмов защиты основополагающих интересов и реализация политического равенства.⁴⁷ Однако формирование демократического общества не следует понимать лишь как средство защиты индивида от социальных порядков; вовлечение в демократическую практику, полностью раскрывающую потенциал коллективной жизни, само по себе является целью для субъекта.

«В концептуальном плане демократия не является альтернативой другим принципам жизни ассоциаций. Ведь она есть не что иное, как

⁴⁶ Mead, op. cit., sections 40, 41. Указанное последнее разграничение между недемократическим и демократическим методом управления можно также проиллюстрировать следующим лингвистическим примером. Если русское слово «государство» происходит от слова «государь» (правитель, господин, глава семьи, хозяин), то есть главный признак государства – это наличие государя-хозяина, то английское слово *commonwealth* (государство, буквальный перевод «общее богатство») призвано отразить то представление, что государство создаётся ради общих интересов и ценностных представлений.

⁴⁷ Даль, указ. соч., с. 49–59.

концептуальное представление о жизни в сообществе. ... Сообщество налицо везде, где имеется совместная деятельность людей, последствия которой оцениваются её индивидуальными участниками как благое... Ясное сознание того, что представляет собой жизнь в ассоциации во всех её аспектах, и составляет идею демократии»⁴⁸.

Таким образом, спецификой демократического общества является формирование солидарных и кооперативных отношений, основанных на принципах равноправия и уважения достоинства каждого субъекта. Что это означает, можно развить на основе следующих двух рассуждений.

А. Как отмечает М. Фуко, спецификой античной демократии было появление новой формы власти, отличной от имевшей место в государствах Древнего Востока. В последних управление обществом осуществлялось *на основе пастырских технологий власти*, согласно которым местные боги, цари и вожди признавались пастухами; за ними должно следовать всё остальное население (стадо). Эта форма управления предполагает выполнение следующих действий: пастырь собирает, направляет и ведёт за собой свой народ; роль пастыря также заключается в спасении своего стада, обеспечении его материального благополучия (включая обеспечение процессов питания и размножения). Поэтому в обязанности обладающего верховной властью входило обретение знания не только о состоянии общества в целом, но и обстоятельствах жизни конкретного субъекта. Соответственно, от всех остальных индивидов требовалось лишь личное повиновение своему правителю, который ежедневно без перерыва проявляет заботу о своём народе.

«Всё, что совершает пастух, он делает во благо своего стада. Это предмет его постоянных забот. Пока все видят сны, он бдит»⁴⁹.

Соответственно, возникновение античной демократии способствовало появлению новой формы политики, которая уже не основывалась на отношениях пастух–стадо. Если в недемократических сообществах интеграция и благодеяние народа ставятся в зависимость от постоянных усилий и конкретных действий главы государства, то, как пишет Фуко,

«стоило достойному греческому законодателю, скажем Солону, урегулировать конфликты, как он оставлял после себя сильный полис, имеющий законы, позволявшие ему существовать и без правителя»⁵⁰.

Поэтому власть в демократическом обществе осуществляется по отношению к свободным гражданам; отсюда, роль политиков

⁴⁸ Дьюи, указ. соч., с. 109.

⁴⁹ Фуко М. *Omnes et Singulatim: К критике политического разума* // Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 2. М.: Практикс, 2005. С. 290.

⁵⁰ Фуко, указ. соч., с. 289.

заключается в нахождении компромиссов между интересами различных автономных субъектов, а не в том, чтобы вести за собой своё стадо (т. е. свой народ) и «кормить, холить и разводить потомство»⁵¹. Следовательно, субъектам демократий предоставляется возможность *быть гражданами своей страны, а не подданными* (не только подчиняться законам, но и участвовать в их формировании), а также *расширить степень своей моральной ответственности*.⁵²

Б. Далее, необходимо прояснить *способ уважения достоинства каждого индивида*. В недемократических государствах степень уважения человека и его правовой статус зависят исключительно от общественного статуса той социальной группы, к которой индивид принадлежит. Это находит выражение в *принципе сословной чести*, который указывает на факт неравномерного распределения социального признания в обществе: представители высших сословий обладают наибольшим количеством прав и свобод, тогда как представителям низших сословий достаётся наименьшая степень уважения. При этом наличие неэгалитарных отношений в обществе характерно и для тех недемократических режимов, которые не основываются на кастовом порядке. Так, Гоббс следующим образом описывает механизм обретения социального признания для своей модели авторитарного государства. Согласно данному автору, *ценность каждого человека определяется исключительно количеством власти, которым он располагает*.⁵³ Если это количество велико, то человеку необходимо оказывать *уважение (honouring)*, в противном случае человек заслуживает лишь *пренебрежительного отношения (dishonouring)*. Если же деятельность индивида имеет большое значение для государства, то тогда он или она могут обрести *достоинство*, ибо достоинство человека заключается лишь в наличии ценности для государства.⁵⁴

⁵¹ Там же, с. 295. Следует иметь в виду, что, согласно Фуко, пастырские технологии управления не были забыты в связи с крушением государств в древнем Египте, Ассирии и Иудее. Они получили своё дальнейшее развитие в христианской мысли и в модифицированной форме были интегрированы в политические механизмы современных государств в форме биовласти или биополитики.

⁵² Даль, указ. соч., с. 57. Правда, не все могут воспринять это как преимущество; в таком случае остаётся согласиться с мнением О. Конта: «Как сладко повиноваться, когда есть возможность наслаждаться счастьем ... которое заключается в том, что благодаря мудрым и достойным вождям мы ненавязчиво освобождены от тяжкой ответственности за общую линию своего поведения» (цит. по: Маркузе Г. *Разум и революция. Гегель и становление социальной теории*. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 443.)

⁵³ «Стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» (Гоббс, указ. соч., с. 66).

⁵⁴ «Общественная ценность человека, т. е. та цена, которая даётся ему государством, есть то, что люди обычно называют достоинством» (Гоббс, указ. соч., с. 67).

Таким образом, авторитарное состояние общества предполагает неэгалитарное распределение социальной значимости, на основании которого все люди делятся на *два сорта*: существование одних почётно, тогда как существование других позорно. Здесь можно привести ряд поучительных рассуждений Гоббса по поводу того, каким образом в таком обществе задействуется *механизм уважения/неуважения*:

«Повиноваться кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо никто не повинется тому, кто, по его мнению, не имеет возможности ни помочь, ни вредить ему. И, следовательно, не повиноваться – значит оказывать неуважение.

Делать большие подарки человеку – значит оказывать ему уважение, ибо это есть покупка его покровительства, признание его могущества. Делать малые подарки – значит оказывать неуважение, ибо это есть лишь милостыня и свидетельствует о мнении дарящего, что одариваемый нуждается лишь в малой помощи...

Оказывать знаки любви или боязни кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо как любить, так и бояться кого-либо – значит ценить его. Игнорировать кого-либо, или любить, или бояться его меньше, чем тот ожидает, – значит оказывать ему неуважение, ибо это значит низко ценить его.

Хвалить, возвеличивать или называть кого-либо счастливым – значит уважать его, ибо ничто не ценится, кроме доброты, силы и счастья. Бранить, высмеивать или жалеть кого-либо есть неуважение...

Слушаться чьего-либо совета или охотно слушать чью-либо речь – значит оказывать соответствующему лицу уважение, ибо это говорит о том, что мы считаем это лицо мудрым, красноречивым или остроумным. Спать, уходить или разговаривать во время речи другого – значит оказывать ему неуважение...

Подражать кому-либо – значит оказывать ему уважение, ибо это значит горячо одобрять его. Подражать же его врагам – значит оказывать ему неуважение».⁵⁵

⁵⁵ Гоббс, указ. соч., с. 67–68. Здесь можно вернуться к белорусской действительности и обратить внимание на поведение верховной власти в промежуток времени между терактом 11 апреля и 25-летней годовщиной Чернобыльской катастрофы. Те оскорбительные эпитеты («идиоты», «негодяи», «подонки», «мразь», «отмороженные послы», «козёл», «вшивость»: см., например, Лукашенко – оппозиции: *Хотите лоб в лоб со мной сразиться, выходите на футбольную, на хоккейную площадку*), которыми наградил белорусских, украинских и европейских политиков белорусский президент, можно интерпретировать не только как недостаток воспитания или, скажем, нервную реакцию на кризисные моменты, но и как проявление логики недемократических социальных отношений. Как показывает Гоббс, в рамках неэгалитарных взаимодействий если какой-либо субъект не обладает большой властью или препятствует реализации планов другого, не поддерживает его точку зрения, или могущество первого нельзя использовать для реализации собственных интересов, то хамское отношение и оскорбления – это именно то, на что следует рассчитывать в этой ситуации.

На этом фоне становится видимым революционное значение демократической этики: здесь уважение каждого человека должно основываться на эгалитарных и универсальных принципах, в соответствии с которыми любой человек обладает равноправным статусом. В таком случае каждый субъект обладает равным достоинством просто потому, что является человеком, а не на основании решения главы государства. Оказание уважения состоит уже не в том, чтобы подражать, любить и бояться, льстить и соглашаться, делать большие подарки и ненавидеть врагов, а в том, чтобы *рассматривать человека как свободное существо и как цель саму по себе*, а не как обладающее той или иной стоимостью средство для реализации своих желаний. В таком случае основным способом признания достоинства человека является *сохранение дистанции между людьми*, т. е. отсутствие негативного вмешательства в реализацию автономных планов другого человека.⁵⁶ Конечно, это не означает, что граждане либерально-демократических обществ не могут позитивно оценивать или критиковать конкретные качества и поступки других людей. Однако осуществление этой оценки не должно нарушать базовый принцип признания достоинства каждого человека: если индивиду не удалось достигнуть выдающихся результатов, или он или она не вызывают чувство симпатии, то это не должно служить основанием для презрительного и/или пренебрежительного отношения.

Наконец, можно обратиться к *анализу возможностей креативной самореализации в демократическом обществе*. Как отмечает Мид, одним из главных предрассудков по поводу демократии является представление, что в силу реализации принципа равноправия каждый субъект должен уподобиться другому: кажется, что в демократическом обществе осуществляется тотальная унификация идентичностей (ведь все обладают одинаковым набором прав и свобод)⁵⁷, тогда как в сословном обществе каждому предоставляется шанс быть непохожим над других через членство в определённых замкнутых социальных группах. Однако на самом деле такое представление ложно: отличительность индивида в недемократических обществах проявляется лишь по отношению к индивидам других групп; в других случаях субъект обязан строго выполнять уже готовый сценарий действий, отступление от которого карается серьёзными санкциями. В демократиях же основная совокупность прав и свобод (свобода мнения, совести, объединений, выбора профессии и т. д.) является основанием для возможности появления новых уникальных проектов и произведений, которые не могут быть отвергнуты просто потому, что не соответствуют традиционным нравам или мнениям господствующей элиты.

⁵⁶ Это положение либерально-демократической этики образцово выразил И. Кант; см.: Кант И. Основы метафизики нравственности // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kant/omn.html>.

⁵⁷ Mead, op. cit., section 41.

Вместе с тем обеспечение возможностей реализации креативного потенциала конкретного субъекта повышает и творческий потенциал самого общества. Как отмечает Дьюи, одной из главных характеристик человеческих обществ является умение распознавать и контролировать последствия своей деятельности. Для целей регулирования масштабных последствий, затрагивающих жизнь широкого круга людей, создаётся специальный аппарат государственных чиновников. При этом до возникновения демократии эти функции выполнял круг людей, которому властные полномочия предоставлялись случайным образом: на основе династических факторов, богатства, преклонного возраста, успехов в военном деле, религиозного сана и т. д. Однако, замечает Дьюи, способность дожить до степенного возраста или владение оккультными знаниями не предполагают умение успешно заниматься гражданскими делами в обществе. Возникновение демократической формы правления призвано способствовать тому, чтобы граждане на основе существенных факторов (способности эффективно заниматься публичными делами) и механизмов выбора местных и верховных властей могли определять и переопределять круг лиц, ответственных за принятие решений по ключевым социально-политическим проблемам.⁵⁸ При этом возможность нахождения рациональных и нешаблонных выходов возрастает в той мере, в какой в демократических сообществах создаются условия для *принятия экспериментальной установки по отношению к основным моделям*, регулирующим поведение в сфере политики, экономики, образования, семьи и т. д. Все эти модели и стратегии должны рассматриваться как подлежащие публичному обсуждению «рабочие гипотезы», а не как установленные раз и навсегда «священные» программы действий.⁵⁹

Всё это позволяет провести *различия между режимами креативности в недемократических и демократических обществах*. В первых основные усилия направлены на обеспечение сверхстабильного порядка, при котором основная часть населения обречена на исполнение предустановленных сценариев действия; инновации становятся возможными лишь в редкие мгновения благодаря харизматическим личностям и их приверженцам.⁶⁰ Демократии в

⁵⁸ Дьюи, указ. соч., с. 56–80.

⁵⁹ Там же, с. 147.

⁶⁰ При этом в условиях отсутствия демократического публичного пространства для оправдания новых идей часто приходится прибегать к дополнительным средствам. Следующее описание Ф. Ницше можно рассматривать как один из способов обеспечения режима креативности в недемократическом обществе: «Если, несмотря на тот ужасный гнёт нравственности обычаев, под которым начало жить человечество ещё за несколько тысячелетий до нашей эры, если, несмотря на это, постоянно возникали всё новые и новые мысли, взгляды, цели, то происходило это при страшном сопутствии: почти всюду дорогу новым мыслям прокладывало сумасшествие; оно же ломало и уважаемые обычаи и суеверия. ... Древние думали, что всюду, где есть сумасшествие, есть и гений и мудрость – вообще есть нечто “божественное”; или, как они выражались прямее и резче: “Сумасшествие дало Греции

этом отношении представляют собой *режим «институционализированной революции»*, в рамках которого большинство членов общества способно дистанцироваться по отношению к очевидностям и нормам своего жизненного мира. В таком случае инновативные процессы принимают повседневный характер «в ходе общественных процессов научения и социальных движений»⁶¹. Вместе с тем *режим институционализированной революции* не приводит к возникновению состояния анархии, знаменующей возврат к «естественному состоянию» Гоббса. Как уже отмечалось выше, процесс индивидуального творчества должен принять соответствующие социальные формы: индивид, предлагающий альтернативные возможности, должен в той или иной степени продемонстрировать их значимость для окружающих, а значит, он должен уметь принимать во внимание интересы и точки зрения других лиц на основе институциональных правил. Поэтому Мид предлагает проводить различие между «репрессивными (ультраконсервативными)» и «гибкими социальными институтами» демократической власти. Если первые представляют собой совокупность узко определённых и фиксированных моделей поведения, то вторые регулируют поведение индивидов на основе абстрактно сформулированных (генерализованных) норм, что оставляет значительное пространство для проявления оригинальности и вариативности.⁶² Таким образом, *главным признаком демократического общества является наличие гибких институтов социальной интеграции, институтов выборности власти и публичной коммуникации*, которые в полной мере задействуют креативный потенциал социальной жизни.

В заключение можно подвести итог проделанному анализу путём рассмотрения интерпретации Дьюи *базовых демократических ценностей* – братства, свободы, равенства.

Идея братства указывает на возможность граждан следовать сознательно выбираемым ценностям и стилям жизни, а не на необходимость некритически воспроизводить доставшиеся по наслед-

---

величайшие блага” – так говорил Платон со всем старым человечеством! Сделаем ещё один шаг дальше. Всем тем сильным людям, которых неудержимо влекло к тому, чтобы сбросить иго старой нравственности и дать новые законы, ничего не оставалось другого, как сделаться или казаться сумасшедшими, если они не были в действительности такими ... Как сделаться сумасшедшим тому, кто на самом деле не сумасшедший и у кого недостаёт смелости казаться таким? Этой странной задачей интересовались почти все значительные люди древнейших цивилизаций: существовала целая тайная наука приёмов. ...Посты, продолжительное половое воздержание, жизнь в пустыне, на горе, или просто не думать ни о чём таком, что могло бы волновать или расстраивать» (см.: Ницше Ф. *Утренняя заря, или Мысль о моральных предрассудках* // [Электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/morning-dawn/>).

⁶¹ Йоас, указ. соч., с. 58.

⁶² Mead, op. cit., section 34.

ству традиции или необходимость «отработать» на государство за предоставленные возможности социализации.

С *ценностью свободы* связан шанс становления уникальной личностью в рамках уважительных и равноправных отношений с другими индивидами.

Принцип равенства подчёркивает необходимость получения субъектом справедливой доли в результатах социальной деятельности, т. е. той доли, которая соответствует его потребностям и способностям.⁶³

---

⁶³ Дьюи, указ. соч., 109–110.